

УДК 94 (410):327.8:94(470:438):327.2:94(477) «1919–1920»

Позиция Великобритании в связи с польско-советской военно-политической борьбой за Украину в конце 1919–1920 г.

Е. Н. ДУБРОВКО

В конце 1919 г. территория современной Украины была ареной острой военно-политической борьбы различных сил, среди которых значительную активность проявляли Советская Россия и Польша. Последняя ещё в ходе Парижской мирной конференции выставила требования возврата ряда территорий на востоке, до конца 18 века входивших в состав Речи Посполитой. Параллельно с политическими шагами Польша предпринимала военные операции, занимая данные территории. В итоге, к концу 1919 г. на юго-востоке её войска вышли к линии Бар-Белокоровичи (на территории современной Украины), таким образом, заняв исторические районы Восточной Галиции, части Волыни и Подолии. Успехи польских политических акций были далеко не так велики. Летом 1919 г. Польша была уполномочена на военную оккупацию Восточной Галиции без дальнейшего признания за ней прав на эту территорию. Реализация принятого в конце ноября решения о передаче Польше мандата на эти земли на 25 лет была отложена на неопределённый срок уже в конце 1919 г. [1, с. 10-11]. Что же касается прилегающих территорий Волыни и Подолии, то их занятие польскими войсками формально не было санкционировано союзными державами. Декларация Верховного Совета о восточных границах Польши не предполагала права Польши на управление этими украинскими территориями [2, с. 255-257].

Советская Россия не предъявляла непосредственных претензий на присоединение украинских земель. Её политика сводилась к созданию украинского государства, однако, непременно с советской формой правления. Таковым стала Украинская Социалистическая Советская республика, провозглашённая в марте 1919 г. на съезде советов в Харькове после поражения Германия и возвращения советской власти на Украину. Данное государство с лета 1919 г. состояло в военно-политическом союзе с РСФСР, являясь, по сути, буферным образованием и формальной реализацией права народов бывшей Российской Империи на самоопределение. Территория УССР постоянно менялась: с занятием Красной Армией новых областей росло количество украинских губерний.

Дальнейшее продвижение польских и советских войск по украинской территории, соответственно на восток и запад, должно было неминуемо привести их к вооружённому столкновению. В декабре 1919 и январе 1920 г. правительство Советской России обращалось к Польше с предложением о мире, при этом была указана и линия максимального продвижения советских войск, т. н. «линия Дрисса-Бар» [3, с. 331-333]. Т. е. под польской оккупацией должны были остаться уже занятые ею украинские территории. Однако заключение мира с непризнанным советским государством, несущим, кроме того, революционную идеологию, не могло дать Польше гарантий стабильности её восточных границ. Схемой, которая с точки зрения некоторых польских политиков была призвана обеспечить такую стабильность, была т. н. «федералистская концепция». Она предполагала создание, в том числе и на украинской территории, государств-буферов с несоветской формой правления между Польшей и Советской Россией. Под флагом федерализма борьба Польши за влияние на украинских землях представлялась ими не как аннексионистская политика, а как реализация вильсоновских принципов и защита народов Европы от большевизма. Эти лозунги позволяли польскому правительству искать необходимой поддержки у великих держав, которая должна была выражаться либо в международных гарантиях польско-советского мира, заключённого на польских условиях, либо в военной поддержке Польши в дальнейшей вооружённой борьбе с Со-

ветской Россией. Позиция великих держав должна была, таким образом, сыграть роль в судьбе украинского народа, оказавшегося в зоне напряжённой польско-советской военно-политической борьбы. Целью данной статьи является анализ позиции, которую в связи с этой борьбой заняла Великобритания.

Проблема эта в советской и постсоветской историографии не получила достаточного освещения. Исследования советских историков и близкие к ним работы историков ПНР за редким исключением крайне скупы на факты и щедры на идеологические штампы [4]. Белорусские историки могут обращаться также к работам зарубежных авторов, однако, в них нашли отражение только отдельные стороны исследуемой проблемы [5, 6, 7, 8, 9]. Очевидно, что этого недостаточно, поскольку изучение процессов, происходивших на соседней украинской территории, имеет для нас несомненное значение. Оно позволит сравнить судьбу белорусского и украинского народов и их государственности в период создания Версальской системы, а значит, лучше понять события отечественной истории.

Великобритания к концу 1919 г. не признала ни одного из национальных государственных образований, провозглашённых на украинской территории. Формально бóльшая часть украинских земель подпадала под статус территорий бывшей Российской империи, по отношению к которым Великобритания стремилась воздерживаться от активной политической деятельности. Непризнанная Советская Россия рассматривалась британским премьером Д. Ллойд Джорджем в этот период в качестве потенциального экономического партнёра, поэтому он стремился избегать любых политических акций, которые могли повредить налаживанию отношений с ней. Основные принципы такой политики были сформулированы на заседании британского кабинета министров 29 января 1920 г. Было отмечено, что Великобритания не будет поощрять де факто признанные сообщества [communities], граничащие с Советской Россией, к продолжению войны с ней. Только при угрозе их законным границам со стороны советского государства союзники обязались оказать им возможную помощь. Помимо этого, отмечалось, что в максимально возможной степени будет поддерживаться торговля с большевиками [7, с. 276-277; 8, с. 140]. Это решение должно было ограничить «зону ответственности» Великобритании восточными границами признанных ею государств. Однако проблема оформления восточных границ польского государства, оставшаяся до конца нерешённой, а также активная военно-политическая деятельность поляков по её решению, создавали брешь в британской системе безопасности в этом районе. По итогам Парижской мирной конференции, как уже отмечалось ранее, Польша была уполномочена лишь на военную оккупацию Восточной Галиции. Поэтому нахождение польских войск на территории Волыни и Подолии рассматривалось как несанкционированное и незаконное. Об этом Д. Ллойд Джордж напомнил в ходе личных встреч с польским премьером Станиславом Патеком в январе 1920 г. [10, с. 803-805]. Кроме того, британский премьер заявил, что Великобритания не сможет помочь Польше, если причиной срыва польско-советского мира будут её попытки удержать территории бóльшие, чем те, что были гарантированы мирной конференцией [10, с. 910]. Это означало, что Польша не могла рассчитывать на помощь Великобритании в случае входа советских войск на территорию Восточной Галиции, так как последняя формально не входила в границы польского государства.

Таким образом, в начале 1920 г. позиция Великобритании по вопросу польско-советского конфликта на Украине свелась к поддержке перехода к мирному способу его разрешения. При этом претензии Польши на украинские территории, в частности, на Восточную Галицию, явно не поощрялись.

Польское руководство, не желая отказываться от своих территориальных притязаний, попыталось реализовать их более приемлемым для союзников путём. На помощь была призвана федералистская концепция. Так, в своём интервью иностранным журналистам в феврале 1920 г. начальник польского государства Ю. Пилсудский высказался за мир с большевиками и против насильственного присоединения Украины, Беларуси и Литвы к Польше [11, с. 154-155]. В проекте условий мира с Советской Россией, разработанном в Польше, предусматривалось создание независимого украинского государства с западной границей, проходившей по течению рек Збруч и Стырь, т. е. Восточная Галиция оставалась за Польшей. Бо-

лее того, предполагалась возможность продвижения польско-украинской границы ещё восточнее до р. Горынь. На востоке границы Украины оставались открытыми, зависящими от её собственной способности добиться желаемого от России. Зона польского вмешательства ограничивалась линией границы Речи Посполитой до раздела 1772 г. [12, с. 569-571]. Ещё более убедительными для мировой общественности должны были стать польско-украинские переговоры и заключение политической конвенции, которая аналогичным способом очерчивала границы будущего украинского государства [13, с. 400-401]. Очевидно, что Польша готовила Украине судьбу государства-буфера, находившегося в её сфере влияния.

Со своей стороны, советское руководство, несмотря на его мирные инициативы, не оставило планов советизации украинских территорий, находившихся за линией «Дрисса-Бар». Об этом свидетельствует записка наркома иностранных дел Г. В. Чичерина от 14 февраля, где он отмечал, что военные склонны не считаться с указанной линией, а И. Сталин, в частности, настаивал на налаживании контактов с восточными галичанами и обещании им независимости [14, с. 45-47]. Таким образом, в период т. н. мирной передышки ни одна из сторон от своих претензий на Украину не отказалась.

В Лондоне отдавали себе отчёт в том, что угроза возобновления активных военных действий на польско-советском пограничье оставалась вполне реальной. Тем более, что английский верховный комиссар на Украине Х. Д. Макиндер, возвращаясь в Англию в конце 1919 - начале 1920 г. через Варшаву, сообщал о готовности Ю. Пилсудского начать весной 1920 г. наступление на Украине [7, с. 270]. Сам начальник польского государства также публично подчёркивал, что большевики вынуждают Польшу к войне, концентрируя силы на западном фронте [11, с. 161].

Вместе с тем в Великобритании в конце зимы – начале весны 1920 г. наблюдался несомненный рост интереса к украинским землям. Прежде всего, этот интерес был экономического характера. В появившихся в Англии в этот период брошюрах об Украине пропагандировались большие выгоды от коммерческих отношений с ней: от импорта оттуда зерна, сахара, молочных продуктов и иного сырья, а также от экспорта промышленных товаров. Кроме того, отмечалась возможная выгода от участия в налаживании железнодорожного сообщения на украинских территориях [15, р. 9-10]. Этот интерес в условиях правительственного курса на установление экономических отношений с Советской Россией определял судьбу украинских земель в глазах Великобритании как территории, находившейся в сфере советского влияния. Для такой позиции были и иные основания. Как отмечал А. Марголин, украинский посланник в Лондоне в первой половине 1920 г., британский интерес к Украине был обусловлен попытками Великобритании добиться каких-либо преференций в Восточной Европе. Балтика, по его мнению, для этого не подходила, так как потенциально в силу экономических и географических факторов была сферой влияния Германии. Польша тяготела к Франции. Потому для Англии осталась Украина, не имевшая границ с Германией, но имевшая выход к Чёрному морю, удобный для английского торгового флота [16, с. 249-250]. Похожую информацию содержат сообщения европейских газет, датированные февралём 1920 г. Отмечалось, что Англия проявила желание распространить свою сферу влияния, помимо Прибалтики, и на Украину. Мотивировалось это стремлением превратить последнюю в противовес «созданию французского империализма – Польше» [17]. Однако прямой путь к достижению такой цели был перекрыт англо-французским соглашением от 23 декабря 1917 г., по которому Украина признавалась своеобразной сферой влияния Франции [18]. Заключённое в период войны с Германией с целью обеспечить обороноспособность Восточного фронта, в новых политических условиях оно стало для Великобритании препятствием на пути осуществления её восточноевропейской политики. Поэтому весной 1920 г. в официальных британских кругах нащупывались возможности пересмотра тайного договора с Францией либо его аннулирования [16, с. 217]. Удобной для Великобритании альтернативой могло стать «закрепление» Украины в той или иной форме за Советской Россией при условии установления торговых отношений с последней. В этом направлении, очевидно, действовали английские государственно-политические деятели, которые «давали понять» украинскому посланнику, что Украине надо попытаться идти путём мира с Советской Россией [16, с. 214].

Реализация польских претензий была невыгодна Великобритании, так как ещё сильнее втягивала Украину во французскую сферу влияния. Поэтому в Англии польский проект условий мира с Советской Россией был воспринят как неприемлемый и даже «безумный» [19; 12, с. 561]. Английский посланник в Варшаве заявил, что Великобритания таких польских требований не поддержит [9, р. 145]. Федералистские лозунги, предложенные Польшей, также не имели поддержки в Великобритании. Польский посланник в Лондоне сообщал в Варшаву, что английское правительство считало идею создания федерации «замаскированной аннексией или утопией», а в возможность существования украинского государства здесь не верили [12, с. 561-563, 608-610]. Как отмечал глава военного ведомства У. Черчилль, желание польского правительства заключалось в том, чтобы создать на Украине буферное государство между Польшей и большевистской Россией [20, с. 178].

В конце апреля 1920 г. в Лондон пришли сведения о польско-украинском соглашении, в котором Польша признала Украину независимым государством, а последняя отказалась в её пользу от Восточной Галиции и части Волыни [21]. Вскоре началось польское вооружённое наступление на Украине.

Эти шаги Польши не вызвали официальной реакции английского кабинета. Как отмечал А. Магрголин, правительство ожидало результатов польско-украинского наступления [16, с. 218]. Очевидно, однако, что веры в успех этого наступления не было. Подтверждается это тем, что в разгар польского наступления, когда Киев уже был занят поляками, британский кабинет министров принял решение, что в будущее торговое соглашение с Советской Россией войдёт и территория Украины [7, с. 292].

Таким образом, ни федералистские лозунги Польши, ни успешное начало её военной кампании в Украине не изменили позиции Великобритании, склонной допустить переход Украины в советскую сферу влияния, чтоб извлечь из этого экономическую выгоду после заключения торгового соглашения с большевиками.

В начале июня 1920 г. ситуация на польско-советском фронте изменилась. Советские войска перешли в успешное наступление. Оно подтверждало британские предположения о недолгосрочности польских успехов и обеспечивало возврат Украины в орбиту советской политики. Поэтому вмешиваться в польско-советский спор на данном этапе у Великобритании не было необходимости. В связи с этим стоит привести запись из дневника личного секретаря Ю. Пилсудского К. Свитальского от 22 июня о том, что давления Англии, чтоб был заключён мир, в тот момент не было. Автор также высказал предположение, что Англии даже выгодно советское нападение на запад, так как оно отвлекало Советскую Россию от Персии [22, с. 55]. Правда, в военном ведомстве Англии было и иное мнение. Так, У. Черчилль указывал, что занятие Украины большевиками приведёт к уменьшению производительных сил и помешает вывозу зерна из Украины. Кроме того, продвижение большевиков на запад заставляло его сомневаться в возможности разоружения Германии [20, с. 179]. Вскоре появился повод для беспокойства и у главы британского правительства.

По мере продвижения советских войск на запад возникала угроза их вторжения в «законно признанные границы» Польши и, следовательно, необходимости оказания ей помощи против Советской России. То есть, как минимум, это был риск срыва начавшихся англо-советских торговых переговоров или даже открытого вооружённого столкновения. На повестку дня вставал вопрос о допустимых пределах продвижения советских войск в западном направлении. На территории Украины таковыми, по-видимому, должны были стать границы Восточной Галиции, которая, являясь объектом польских притязаний, формально находилась в распоряжении союзников. Захват её Красной армией не обязывал Великобританию помогать Польше, т. к. эти земли не входили в территорию последней. Но с другой стороны, это было бы равносильно вызову, брошенному союзным державам. Однако в конце июня Политбюро приняло решение об «осторожной политике, охраняющей независимость Восточной Галиции». Было решено отказаться от немедленной аннексии Восточной Галиции в пользу более осторожного пути распространения там советской власти, т. е. через создание Галицийского ревкома, организацию восстания и т. д. [14, с. 126-127]. Таким образом, советская сторона избавила Великобританию от необходимости немедленного вмешательства в вооружённый конфликт.

В начале июля польское правительство, не дожидаясь перехода советскими войсками так называемой «линии 8 декабря 1919 г», обратилось к союзнической конференции в Спа с просьбой о помощи. При этом польское правительство заявило о готовности заключить мир на условиях самоопределения народов, проживающих между Польшей и Россией [23, с. 291].

Вопрос о польских претензиях на восточную Украину во время конференции Великобритании даже не поднимала. Польские делегаты 9 июля сами публично признали, что ни границы 1772 года, ни занятие Киева не могут быть национальными целями [24, р. 502-506]. Позиция британской делегации по вопросу принадлежности этой территории проявилась в ходе беседы с украинским представителем А. Марголиным, которому было заявлено, что украинский народ, как «народ России» не может рассчитывать на вмешательство Англии в устроение его судьбы. Только статус Восточной Галиции отличался, так как это была часть «австрийского наследства», а народы бывшей Австрийской империи получили право на самоопределение [16, с. 238-239]. Британский премьер подчёркивал в ходе конференции ошибочность восточногалицийской политики Польши и необходимость учёта воли населения этой территории при решении её судьбы [24, р. 502-506]. По-видимому, Д. Ллойд Джордж не исключал возможность победы просоветской ориентации населения при проведении плебисцита в Восточной Галиции. На это ему позволяли рассчитывать данные политического доклада, подготовленного в ведомстве иностранных дел Великобритании 11 июня 1920 г. В нём содержался вывод о том, что симпатии большинства украинцев, в том числе и в Восточной Галиции, склоняются к большевикам [7, с. 295-296]. Ещё больше убеждают в готовности Д. Ллойд Джорджа допустить большевиков в Восточную Галицию его заявления на совещании 10 июля. Британский премьер, ссылаясь на то, что большевистские войска уже вошли на территорию Восточной Галиции, предложил, чтобы они остановились на линии, которой достигнут к моменту перемирия. Это предложение было принято и вошло в итоговое соглашение, подписанное Польшей [24, р. 524-530]. Таким образом, очевидно, что отстаивать право Польши на военную оккупацию Восточной Галиции Великобритания не была намерена. Вместе с тем и о передаче её под военную оккупацию Советской России или Украине речь идти не могла. Очевидно, что, не являясь единоличной распорядительницей судьбы Восточной Галиции, Великобритания не могла напрямую решить вопрос о её судьбе в своих интересах. Однако договорённость о приглашении представителей Восточной Галиции на предложенную России конференцию в Лондоне позволяла надеяться, учитывая данные упомянутого выше доклада, на приемлемое для Великобритании решение вопроса о судьбе края.

По итогам конференции в Спа британское правительство 11 июля отправило ноту советскому правительству с рядом предложений, в том числе о заключении перемирия с Польшей. Однако, по сравнению с формулировками соглашения, подписанного с Польшей в Спа, текст т. н. «ноты Керзона» оказался несколько изменённым. В частности, изменения касались вопроса о линии перемирия в Восточной Галиции. Текст оказался двусмысленным. С одной стороны, отмечалось, что по условиям перемирия польская армия отступит на линию, намеченную Парижской мирной конференцией в качестве восточной границы областей, в которых Польша имеет право вводить свою администрацию. Естественно, эта линия проходила западнее Восточной Галиции, что и подтверждалось дальнейшим её описанием. С другой стороны, отмечалось, что в Восточной Галиции обе стороны останутся на линии, занятой ими ко дню перемирия [25, с. 54-55]. Эта неоднозначность показывала неурегулированность а priori вопроса о судьбе Восточной Галиции и позволяла польской и советской сторонам попытаться реализовать свои варианты его решения.

Советский вариант наметился 15 июля, когда Галицийским ревкомом была провозглашена Галицийская Социалистическая Советская республика с центром в Тернополе. Что касается польского правительства, то оно, хоть и приняло условия Великобритании в Спа, не спешило оставлять свои претензии на украинские земли. Стараясь успокоить общественное мнение Польши, премьер В. Грабский заявил, что союзники решили оставить мандат Польше на управление Галицией на несколько лет, после чего будет воплощён принцип самоопределения [23, с. 297-298]. Представителям украинского национального движения, оказавшимся в довольно сложном положении после того, как Польша своим соглашением с союзниками

фактически перечеркнула польско-украинский договор, Ю. Пилсудский прямо заявил, что в Восточной Галиции доминирует Польша, а в восточной Украине они сами должны доказать, что украинское государство существует [22, с. 59-60]. Таким образом, во второй половине июля 1920 обе стороны конфликта не оставили планов доминирования на территории Восточной Галиции.

В своём ответе на британскую ноту от 11 июля советское правительство отказалось от посредничества Великобритании в деле заключения мира с Польшей [25, с. 47-53]. Однако линия перемирия, предложенная в т. н. «ноте Керзона» и отражавшая мнение союзников, а в большей мере Великобритании, о пределах советского продвижения на запад, стала важной отправной точкой при формулировании сторонами конфликта их требований.

В период военных успехов советской армии, то есть вплоть до середины августа 1920 г. польское правительство, обсуждая возможные условия перемирия, принимало т. н. «линию Ллойд Джорджа» (она же «линия Керзона») на участке от Гродно до Бреста. На южном участке поляки не оставляли своих претензий на Восточную Галицию. Подтверждал это отказ Польши подписать 10 августа 1920 г. т. н. пограничный договор с пятью великими державами, Чехословакией, Югославией, Румынией, так как он не включал Восточную Галицию в состав польского государства [26, с. 133]. Поляки пытались включить в перечень требований к Советской России территорию с городами Владимир Волынский, Ковель и рекой Збруч. В качестве второго варианта рассматривалась предложенная союзниками «линия фронта, существующая на день перемирия» [27, с. 206-207, 211-214].

В отличие от Польши, советское правительство в этот период рассматривало возможности отклонения от т. н. «линии Керзона» не свою пользу, а в пользу Польши. Делалось это, как отмечал председатель Польревкома Ю. Мархлевский, «по дипломатическим соображениям» [14, с. 140-141]. Заявление о предоставлении Польше более выгодной границы должно было вызвать симпатии к советской власти не только у польского населения, но и у части западноевропейского общества. Эти дипломатические игры касались и украинского народа. В частности, было заявлено о передаче Польше земли к востоку от г. Холм (Хелм) с украинским униатским населением [25, с. 100-101, 137-139]. Историческим основанием для такого жеста было то, что эти земли до 1912 г. входили в состав Царства Польского, когда были выделены в отдельную Холмскую губернию и присоединены к России. Об уступке Польше Восточной Галиции речь не шла. Кроме того, создание там Галицийской ССР явно говорило о том, что отказываться от этой территории Советская Россия не собиралась.

Дипломатические шаги советской стороны имели определённый успех. Великобритания, ещё ранее сделав в польско-советском противостоянии ставку на Советскую Россию, полностью подтвердила её отправкой телеграммы в Варшаву, которая, по сути, одобряла советские территориальные требования [20, с. 181].

Начало польского контрнаступления и военные успехи поляков изменили политическую ситуацию и уменьшили возможности Великобритании влиять на ход польско-советского противостояния на территории Украины и в восточноевропейском регионе в целом. 23 августа в ходе переговоров в Минске польская делегация отвергла все мирные предложения Советской России. В своём заявлении она вновь обратилась к стратегии федерализма, говоря о праве народов, заселяющих территорию между Польшей и Россией, на самоопределение. Более того, она заявила, что т. н. «линия Керзона» ничем не обоснована [28, с. 103-107]. Очередным вызовом Великобритании стало решение польского Совета обороны государства о возможности военного перехода через «линию Керзона», принятое 27 августа [29, с. 224-228]. Британская дипломатия могла ответить лишь переданными через своего посланника в Варшаву рекомендациями не пользоваться преимуществами военных успехов и не претендовать на этнически чужие земли [9, с. 152].

В конце августа позиция Великобритании укрепилась благодаря достижению единства мнений союзников по польскому вопросу. Как и Великобритания, Франция, США и Италия рекомендовали Польше воздержаться от территориальной агрессии против России. [30]. В таких условиях польская сторона попыталась найти компромисс между позицией союзников и собственными представлениями о национальной безопасности. Польша сделала

ставку на собственные военные силы и попытались достичь стратегически удобную для себя восточную границу. В качестве возможного варианта была признана т. н. «линия германских окопов» [29, с. 224-228]. В Восточной Галиции поляки рассчитывали на выход своей армии к линии р. Збруч на момент заключения перемирия [27, с. 368-379]. В поисках международной поддержки своих территориальных требований Польша сделала ставку на Францию. В инструкции польского МИД отмечалось, что в пользу линии «германских окопов» было согласие на неё представителей П. Н. Врангеля [27, с. 368-378]. В условиях военных успехов Вооружённых сил Юга России в начале осени 1920 г. а также признания правительства П. Н. Врангеля Францией можно было рассчитывать на принятие указанной линии французским правительством. Кроме того, было известно, что французское правительство готово на признание Восточной Галиции за Польшей при условии доступа в регион французского капитала [31, с. 130]. Сближение с Францией, таким образом, могло помочь Польше в решении вопроса о её восточной границе на украинской территории. Недаром Ю. Пилсудский заявлял французским газетам об общности интересов Франции и Польши [11, с. 183-186].

Советское правительство к концу сентября в условиях военных успехов Польши и П. Н. Врангеля заявило об отказе от Восточной Галиции и готовности идти на значительные территориальные уступки, о чём было сделано заявление ВЦИК [25, с. 204-206]. Как заявлял В. И. Ленин на IX Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября, вопрос о территориальных границах был «20-степенным» по сравнению с вопросом о скорейшем окончании войны [32, с. 370-395].

В отличие от советской стороны, в польской делегации в Риге вопрос о границах подлежал острой дискуссии [6, с. 262]. Итогом её стало решение требовать на территории Украины границу, исходя из стратегических, а не этнографических принципов, что означало принадлежность Польше железной дороги Ровно-Сарны [33, с. 70].

Таким образом, осенью 1920 г. обе участницы конфликта, исходя из изменившейся военно-политической ситуации, по-новому сформулировали свои претензии на территории Украины. Следует отметить, что места УНР в их планах не оказалось, в праве участвовать в мирной конференции в Риге ей было отказано [13, с. 428-430].

Британское правительство осенью 1920 г. воздерживалось от значительной политической активности в деле польско-советского противостояния на Украине. Военные успехи «профранцузской» Польши и П. Н. Врангеля, а также приостановка англо-советских переговоров лишили Великобританию значительных рычагов влияния на ситуацию. Хотя по-прежнему предпринимались попытки надавить на Польшу и навязать «линию Керзона» [6, с. 264]. Они оказались неудачны. Также оказались безрезультатными попытки украинских национальных деятелей найти помощь в Великобритании [7, с. 301-306]. Вопрос о судьбе украинских земель был оставлен, по сути, на разрешение Польше и Советской России.

По договору о перемирии и прелиминарных условиях мира, заключённому в Риге в октябре 1920 г., Польша получила Восточную Галицию и значительную часть Волыни [25, с. 245-256]. Данный договор был оценён в Великобритании как победа польского варианта решения территориального спора [34].

Таким образом, в итоге польско-советской военно-политической борьбы за Украину в конце 1919 – 1920 г. Польша реализовала свои претензии на Восточную Галицию и, исходя из стратегических соображений, добилась присоединения части Волыни. Остальная территория Украины оказалась под контролем советского правительства. В условиях военных побед Польши, для которой была характерна профранцузская ориентация, Великобритания, в силу своих экономических интересов более склонная видеть всю Украину в советской зоне влияния, свою позицию навязать не смогла.

Резюме. Статья посвящена изучению позиции, которую заняла Великобритания в связи с борьбой Советской России и Польши за украинские земли в конце 1919 – 1920 году, т. е. в период от декабрьской декларации союзных держав по вопросу определения восточных границ Польши, до момента практического разрешения этого вопроса в ходе войны между Польшей и Советской Россией. Рассматриваются планы польской и советской сторон в отношении Украины в этот период, а также реальные шаги, предпринятые для их реализации и

вылившиеся в открытый вооружённый конфликт. Анализируется позиция Великобритании в связи с данным конфликтом, обусловившие её факторы и значение для исхода польско-советского противостояния в Украине на момент заключения перемирия в Риге.

Abstract. The article is devoted to studying Great Britain position in connection with Soviet Russia struggle against Poland for the Ukrainian lands at the end of 1919-1920, i.e. during the period from the December declaration of allied states concerning Poland eastern frontiers till the moment of the practical salvation of this question during the war between Poland and Soviet Russia. The article considers Poland and Soviet plans towards Ukraine during this period, and also the real steps undertaken for their realization and poured out in an open confrontation. The position of Great Britain in connection with this conflict, the factors caused it and the value for outcome in Polish-Soviet confrontation in Ukraine at the moment of signing an armistice in Riga are analyzed.

Литература

1 Дубровко, Е. Н. Польские территориальные претензии в Восточной Европе и политика Великобритании (конец 1918 – 1919 гг.) / Е. Н. Дубровко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2008. – №4 (49). – С. 7-16 /

2 Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały: w 3 t. / red. K. R. Bierzanek. – W-wa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965. – Т. 1. – 644 s.

3 Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: И. А. Хренов [и др.] – М.: Изд-во АН СССР, 1964-1986. – Т. 2: Ноябрь 1918 – Апрель 1920. / С. Вроньский [и др.] – 1964. – 689 с.

4 Лихолат, А. В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917-1922 гг.) / А. В. Лихолат. – М.: Госполитиздат, 1954. – 654 с.; Карпенко, О. Ю. Імперіалістична інтервенція на Україні 1918-1920 / О. Ю. Карпенко. – Львів: Видавництво Львівського університету, 1964. – 256 с.; Nowak-Kiełbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w latach 1918-1923. Kształtowanie się stosunków politycznych / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1975. – 444 s.

5 Склярков, С. А. Польско-украинское разграничение в 1918-1923 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07. 00. 03 / С. А. Склярков; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1998. – 23 с.

6 Czubiński, A. Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918-1921 / A. Czubiński. – Opole: Inst. Śląski w Opolu, 1993. – 314 s.

7 Regina-Zacharski, J. Sprawa Ukraińska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1917-1923 / J. Regina-Zacharski. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004. – 398 s.

8 Davies, N. Lloyd George and Poland, 1919-20 / N. Davies // Journal of Contemporary History. – 1971. – Vol. 6. – No. 3. – P. 132-154 // Sage Publications, Ltd. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/259884> – Date of access: 15.07.2008.

9 Elcock, H. J. Britain and the russo-polish frontier, 1919-1921 / H. J. Elcock. // The Historical Journal. – 1969. – Vol. 12, №1. – P. 137-154.

10 Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by E. L. Woodward [and others]. – London: His Majesty's stationary office, 1949. – Vol. 3. – 910 p.

11 Piłsudski, J. Pisma-mowy-rozkazy: w 8 t. / J. Piłsudski. – W-wa: Towarzystwo wydawnicze "Polska zjednoczona", 1930-1931. – Т. 5. – 1931. – 330 s.

12 Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: И. А. Хренов [и др.] – М.: Изд-во АН СССР, 1964-1986. – Т. 2: Ноябрь 1918 – Апрель 1920. / С. Вроньский [и др.] – 1964. – 689 с.

13 Мазепа, І. Україна в огні й бурі революції. 1917-1921 / І. Мазепа. – Київ: Темпора, 2003. – 608 с.

14 Польско-советская война. (Ранее не опубликованные документы и материалы): в 2 ч. / редкол.: И. И. Костюшко [и др.]. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. – Ч. 1. – 216 с.

15 Bagnall-Bull, E. The Ukraine. The granary of Europe / E. Bagnall-Bull. – London: Cornwall Gardens, c. W. – 16 p.

- 16 Марголинъ, А. Украина и политика Антанты. (Записки еврея и гражданина) / А. Марголин. – Берлинъ: Издательство С. Ефронъ, 1921. – 397 с.
- 17 [Из чешских газет] о положении ведущих западных держав // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 5889. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 12.
- 18 Соловьёв, О. Ф. Как Англия и Франция делили Россию / О. Ф. Соловьёв // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – 1997. – N 10. – Режим доступа: http://www.pereplet.ru/history/Author/Russ/S/Solovjew_O/Articles/13-1097.htm – Дата доступа: 19. 08. 2009.
- 19 Lenin threatens Poland // The New York Times [Electronic resource]. – 1920. – 4 March. – Mode of access: <http://query.nytimes.com/> – Date of access: 15. 07. 2008.
- 20 Черчилль, В. Мировой кризис / В. Черчилль. – М.-Л.: Государственное военное издательство, 1932. – 328 с.
- 21 Ukrainian Independence. Agreement with Poland // The Times [Electronic resource]. – 1920. – 24 April. – Mode of access: <http://archive.timesonline.co.uk/> . – Date of access: 1. 09. 2008.
- 22 Świtalski, K. Diariusz 1919-1935 / K. Świtalski. – W-wa: Czytelnik, 1992. – 836 s.
- 23 Kumaniecki, K. Wł. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912-styczeń 1924 / K. Wł Kumaniecki. – Warszawa-Kraków: Nakładem księgarni J. Czernieckiego, 1924. – 782 s.
- 24 Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London: His Majesty's stationary office, 1958. – Vol. 8. – 892 p.
- 25 Документы внешней политики СССР: в 21 т. – М.: Гос. изд. полит. литературы, 1957-1977. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / Г. А. Белов [и др.]. – 1959. – 724 с.
- 26 Wasilewski, L. Kwestia Ukraińska jako zagadnienie międzynarodowe / L. Wasilewski. // Serja prac komisji dla badań zagadnień polsko-ukraińskich / Prace Ukraińskiego Instytutu Naukowego. – W-wa: Drukarnia Piotr Pyz i S-ka, 1934. – Т. XXVIII. – Zeszyt 1. – 146 с.
- 27 Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: И. А. Хренов [и др.]. – М.: Изд-во АН СССР, 1964-1986. – Т. 3: Апрель 1920 – Март 1921. / С. Вроньский [и др.] – 1965. – 715 с.
- 28 Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918-1939. W 2 t.-Warszawa: Instytut Wydawniczy Pał, 1989. –Т. 1: 1918-1932 / Т. Jędruszczyk [i in.]. –1989. – 467 s.
- 29 Rok 1920. Wojna polsko-radziecka we wspomnieniach i innych dokumentach / J. Barkowski. – W-wa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1990. – 532 s.
- 30 Asks polish pledge against invasion // The New York Times [Electronic resource]. – 1920. – 26 August. – Mode of access: <http://query.nytimes.com>. – Date of access: 15. 07. 2008.
- 31 Ольшанский, П. Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 гг) / П. Н. Ольшанский. – М.: Наука, 1969. – 260 с.
- 32 Ленин, В. И. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. / В. И. Ленин. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. – 607 с.
- 33 Grabski, St. Uwagi o bieżącej historycznej chwili Polski / St. Grabski. – W-wa: Nakładem księgarni Perzyński Niklewicz & Co, 1922. – 160 s.
- 34 Reds sign armistice with poles // The New York Times [Electronic resource]. – 1920. – 7 October. – Mode of access: <http://query.nytimes.com>. – Date of access: 17. 09. 2008.